

Алексей Андреюк: “Нужно гениально предвидеть реальную картину состояния жизни и соответствовать ей”

Архитектура и строительство №1 (212) 2010 г.

Игорь Морозов

Погожим июльским днем 1959 года Бресту явился Алексей Анатольевич Андреюк. Там же учился, служить двум замечательным и самым родственным музам – сначала окончил музыкальную школу по классу фортепиано, затем Брестский инженерно-строительный институт с дипломом архитектора. В родном городе стал главным архитектором проектов института ОАО “Брестпроект” и директором частного унитарного производственного предприятия “Студио А *3”. Награды его за плодотворное творчество устанешь перечислять: Алексей Анатольевич – лауреат, дипломант многочисленных международных, всесоюзных, республиканских конкурсов, его награждали и Международная академия архитектуры, и Союз архитекторов Казахстана, и наши Министерство культуры и Министерство архитектуры и строительства, благодарили различные инстанции православной церкви. Наконец, он, можно сказать, штатный победитель национальных фестивалей архитектуры. Причем в самых различных номинациях, ибо имеет обширный творческий диапазон, охватывающий небольшие строения и крупные объекты различного назначения, монументально-мемориальную, культовую архитектуру и градостроительные образования.

Короче говоря, от Минска до Бреста нет, пожалуй, места, где бы архитекторы, следящие за положением дел в нашей архитектуре, не знали об Алексее Андреюке. И не только потому, что он председатель Брестской областной организации общественного объединения “Белорусский союз архитекторов”.

Я познакомился с ним во Флоренции, мы стали приятелями. Было интересно наблюдать, как он не просто рассматривает,

созерцает тамошние шедевры зодчества, но вживается в них, пропитывает себя их аурой. Для чего?..

Андреюк Алексей Анатольевич

Родился в Бресте 30 июля 1959 г.

Архитектор

Образование:

Брестская музыкальная школа по классу фортепиано в 1974 г.

Брестский инженерно-строительный институт в 1981 г.

Специальный факультет по переподготовке кадров при Московском архитектурном институте в 1985 г.

Карьера:

Главный архитектор проектов института ОАО "Брестпроект"

Директор частного унитарного производственного предприятия "Студио А *3"

Председатель Брестской областной организации общественного объединения "Белорусский союз архитекторов"

Академик Белорусской Академии архитектуры

– *Архитектурное творчество – насколько интимен этот процесс? Как легче работает: в одиночестве, с "доверенными лицами", в большом коллективе?*

– Архитектурное творчество для меня – процесс средовой. Мне нужно создать пространство творческой напряженности. К его созданию я стараюсь привлечь группу "доверенных лиц" – единомышленников и необязательно архитекторов. Часто это представители инженерных специальностей. Мы наговариваем идею. Даже если реально это пространство не создается (так говорят сторонние наблюдатели), внутри себя я создаю уверенность, что оно есть. И эта уверенность помогает творить и считать коллег соавторами, а не исполнителями моих идей. В дальнейшем это позволяет сохранить творческие находки при выполнении рабочих чертежей, не утратить их в рутине притирок к нормам, к строительному комплексу.

– *Какое место занимает в творчестве участие в конкурсах? Самые принципиальные и памятные из них?*

– Конкурс для меня – путешествие в иномир, где я чувствую себя свободным, иным. В процессе работы над конкурсным проектом пытаюсь воссоединиться с некой Высшей гармонией, переместить себя в иллюзорное пространство, где вижу мир более точно, целостно, и, достигнув этой внутренней свободы, нового виденья, сделать архитектурное решение. Если в результате работы удастся попасть в такое состояние воссоединения с миром – это наивысшее счастье, неопикуемый восторг. Все, что создается в подобном состоянии, – интересно. Я сам себе становлюсь интересен, чувствую невероятный приток энергии... Это, если хотите, отдых. Странно: вроде бы выполняется очень большая работа, вроде большая затрата, а в результате – почистился от всякой "текучки", отдохнул. Увы, это состояние не длится долго. Впервые пережил его во время работы

над памятником Победы на Поклонной горе в Москве: я – в мастерской у кладбища, февраль, холодно, стихи Пастернака – и полное слияние с Миром.

Москва. Пространство Войны, давно прошедшей, вдруг приблизилось, сжалось... и, отразившись от поверхности полированного металла, ушло в Небо, оставив сеть павильонов памяти на поверхности Поклонной горы. Начал по-другому видеть мир.

Япония. Осака. Станция Умеда – последний оплот пустоты мегаполиса (железнодорожный грузовой двор). Вдруг появляется гора пластилина, будто древние японские боги гор спустились с небес. Я пытаюсь убрать все лишнее ударами резца и стеки – не получилось... Но было хорошо...

Босния и Герцеговина. Горы. Сараево. Плато. Казармы Тито. Университет в виде яичного поддона. Универсальные знания, объединенные стеклянной скорлупой.

Минск. Вспышка... Вздыбленная земля. Рассеченный листик из полированного металла. Спуск в Землю. Стена Памяти. Восхождение к Храму – памятник жертвам чернобыльской катастрофы.

Минск. Тростенец. Карьер... Древо Жизни. Восхождение. Дорога Памяти.

– *Конкурсное предложение на застройку территории у Национальной библиотеки представилось мне интересным. Что в нем было важным?*

Мне кажется, интересно найден образ высотного комплекса “Минск-холл”. Здание претендует на роль символа города. В его основе лежит герб Минска: Богородица с сонмом ангелов в виде крыльев. Прослеживается принадлежность к Беларуси – уж если подниматься вверх, то в образе птицы. И функциональное наполнение соответствующее. Если привлекаешь внимание внешним образом, то внутри размести на первых этажах постоянно действующую выставку достижений минской промышленности с возможностью проведения ярмарок, в левом высотном крыле – офисы деловых партнеров, в правом – гостиницу для их долговременного пребывания. Считаю, что высотные здания должны носить печать уникальности, принадлежности к данному месту, к данной культуре.

– *Работая в провинции, не хотелось ли перебраться в столицу, за границу. И существуют ли “провинциальная” или “столичная” архитектура в смысле подхода, идеологии?*

– Есть такое народное выражение: “Замахнулся на рубль – ударил на копейку”. Для меня архитектура – соответствие “замаха” (идеи, выражающей “место”, “потребность”, “точность”) и “удара” – возможности адекватной реализации (“материал”, “руки”, “деньги”). В моем понимании провинциальная архитектура – несоответствие чего-то чему-то из вышеперечисленного (как правило, провинция норовит сильно замахнуться и слабо ударить). Поэтому “провинциальность” может присутствовать и в столице, и в провинции. Здесь дело в личности и умении архитектора. Нужно гениально предвидеть реальную картину состояния жизни и соответствовать ей. Это сложно, особенно в настоящее время – время перемен. Архитекторы же склонны “подбрасываться” (я имею в виду в первую очередь себя), а довести задуманное “с заступом” до конца в условиях перемен не всегда удается.

– *А если нет “заступа”?*

– Становится скучно, неинтересно. Возникает ощущение пустоты. Теряется что-то “живое”. Вроде здание есть, а эмоций нет. Пустота к пустоте – вот вам и новый жилой район. Но это другая тема. Заканчивая предыдущую мысль на предмет переезда куда-либо, думаю: всякое движение должно быть органичным. Когда мне казалось, что могу большего, – участвовал в конкурсах. Иногда успешно. Но реальный шанс реализовать что-то такое, что потребовало бы перемещения, не представился.

– *Есть ли авторитеты белорусской или зарубежной архитектуры, у которых хочется учиться?*

– В вузе (я учился в Брестском инженерно-строительном институте – БИСИ) мне нравился Кендзо Танге. Его “метаболизм” завораживал своей урбанистичностью, брутализмом. Город как машина для жилья – тема нескольких курсовых проектов. В то же время, как ни странно, увлекался творчеством Алваро Аалто – подкупала его органичность, умение следовать контексту и преобразовывать действительность. Находки А. Аалто в архитектуре и дизайне, по-моему, актуальны и сейчас. Он попал в “сущность” пространства. Он не устаревает.

После окончания БИСИ поступил в Брестгражданпроект, в группу генплана к В.В. Арсеньеву – очень талантливому архитектору. Окунулся в поток серийных микрорайонов. Участвовал в конкурсах, в которых пытался “скрестить” К. Танге с А. Аалто (жилище завтрашнего мира – Брайтон). В это же время открыл для себя Рэма Кулхаса и Бернара Чуми. Их метод наложения “суперпозиций” часто использовал как прием анализа в градостроительных проектах (микрорайон № 3 в Кобрине, квартал по улице Речицкой в Бресте). Параллельно пытался заниматься наукой – изучал градостроительство, открыл для себя А.Э. Гутнова. Под его руководством выполнил дипломную работу по окончании курсов повышения квалификации в Московском архитектурном институте, в которой попытался совместить структурно-функциональный анализ А.Э. Гутнова с экологическим каркасом В.В. Владимирова. Что-то получилось. Определилась собственная линия градостроительного проектирования. В настоящее время мне симпатичны Алваро Сиза и Питер Цумптор. Подкупает их точность, выверенность. Может показаться странным – не слишком ли много кумиров?.. Что поделать... Если что-то совпадает, нравится – готов учиться снова и снова...

– *Есть ли сокровенная мечта, которую хотелось бы реализовать в виде, скажем, какого-нибудь объекта, книги, диссертации?*

– Я затрудняюсь сформулировать мечту. Более того – опасаясь... Заметил странную закономерность: когда что-то мечтательно произнесешь даже самому себе (например, я – градостроитель, строю микрорайоны в Бресте, Пинске, Кобрине) – какие-то силы вызывают противодействие и получается все наоборот – строю серию разнообразных молитвенных домов в Кобрине, Волковыске, Колодищах, Каменце. Как только тихо скажу себе: пожалуй, я архитектор-”объемщик” – тут же появляются свободная экономическая зона “Брест” – пилотный проект для республики, за ним – проект детальной планировки Юго-Западного жилого района в Бресте, экспериментальный жилой район “Вулька-3” в Бресте – крупные градостроительные проекты... За это дело меня выбирают в “академики”. Получается, я – градостроитель. Уже представил, как мои градостроительные проекты превращаются в вялотекущий процесс, как судьба дарит

гостиничный комплекс и жилой комплекс в ЮЗМР-4 по ул. Краснознаменной, жилой комплекс по ул. Зубачева в Бресте. Выходит, все-таки “объемщик”... А тут кризис...

То же самое происходит с формированием так называемого “кredo”: как только пытаешься сформулировать устойчивые жесткие принципы, они тут же оказываются неустойчивыми, так как меняются технологии, нормы... А принципы начинают носить очень общий характер и, в конце концов, сводятся к десяти заповедям, охватывая “всё”, а значит, “ничего”.

Идея написания книги возникает после конкурсных проникновений в “иное” пространство. Откровения связаны с градостроительством. Наложения структурно-функциональной и природной составляющей города являют механизм его развития, ключ к пониманию основ градостроительства. Проследить развитие городов мира сквозь призму вышеуказанного взгляда и выйти к четкому видению будущего развития любого города – цель работы.

– Что из созданного Мастер Алексей Андreyк может показать в качестве визитной карточки и за что именно?

– Честно хочу признаться – меня напрягает определение “мастер” по отношению к себе. В моем понимании мастер – безупречный специалист. Я же нахожусь в пространстве бесконечных компромиссов и часто вынужден делать то, что не совпадает с личным представлением о лучшем решении.

К вопросу о визитной карточке – в “народе” я считаюсь культовым архитектором – в смысле строитель культовых зданий. Они хорошо видны. В их основе есть откровения.

Молитвенный дом в Кобрине – реализация “народных” устремлений подняться с колен. Строился хозспособом – тогда это было возможно. Братья начали работу сами, без архитектора. Но в процессе строительства засомневались и пригласили меня. Началась борьба за каждый ряд кладки. Тут я познал много откровений: здание может хмуриться, улыбаться, может быть величественным. А всего и делов-то – ряд кладки. Упирались, обижались, а потом, ближе к завершению, мастер “проронил”: мы тут с братьями сомневались, но сами ведь вас пригласили – подчинились, построили и видим: хорошо. Мне чуть плохо не стало... На освящении американские гости – инвесторы – плакали.

Молитвенный дом в Волковыске – реализация духа места. Построил его мастер Владимир Остапович. При первой встрече он мне тихо сказал: “Я на стройке – всю жизнь, люблю стройку”. Это было для меня откровением. Такого еще нигде не слышал. Но это отношение стало ключом к проектированию. Участок для строительства был выделен на берегу ручья. И образ ковчега появился сам собой.

Молитвенный дом в Колодищах (храм Спасения) – реализация генотипа места. Построил его Саша Фирисюк, человек всесторонних дарований. Одно из них – музыка. Деньги на строительство добывал в Германии, давая концерты со своим ансамблем “Ковчег”. Образ здания сформирован нарастающими треугольными фронтонами крыш, как выжимка из ландшафта (пересеченный ландшафт застроен индивидуальными жилыми домами). Северный фасад, обращенный к ж/д Москва – Минск, задуман как музыкальное произведение: ритм задан окнами-”свечками” и шахтами вентиляционных каналов. Главный фасад обращен на запад и сформирован тремя фронтонами с крестами,

создавая образ Голгофы. Две наружные лестницы возносят здание, указывая путь к Спасению. Храм “парит” над поселком, формирует его общественный центр.

Молитвенный дом в Каменце – реализация “знака”. Образ здания – взгляд на каменецкую Белую вежу.

Из общественных сооружений наиболее интересен банк по ул. Днепровской Флотилии в Пинске – соединение историзма и современности. Фасады здания и его шестиметровая глубина выполнены в стиле пинского брутализма, внутренний атриум – в современном стиле. Секретарь директора банка как-то сказала мне: “Знаете, я начала с удовольствием ходить на работу. Иду по галерее атриума – люблюсь...” Такое высказывание простого человека многого стоит.

Квартал по ул. Парковой в Пинске – реализация “видимого” градостроительства. Его планировочная структура развернута под углом 45 градусов к существующей сетке дорог с целью сформировать внутреннее пешеходное пространство, обращенное к построенному собору. Получилась дорога к Храму.

Детальный план СЭЗ “Брест” – реализация “невидимого” градостроительства. Его суть “закопана” в 10 томах текстов – регламентов градостроительного освоения. За десять лет не возникло ни одного случая, вызывающего желание что-то изменить в планировочной структуре.

– *Можно ли сказать, что архитектор Алексей Андреюк – белорусский Мастер?*

– Если “квёласць”, “памяркоўнасць” и “талерантнасць” считать национальными чертами, то Андреюк – белорусский архитектор. Если Пинск – белорусский город, то проектируя для него здание банка по ул. Днепровской Флотилии, жилые дома по улицам Первомайской и Ленинградской, я выразил в них типично пинские архитектурные приемы – крупные плоскости фронтонов, хорошо читаемые в полесских туманах; криволинейные, мягкие формы плана и фасадов. Снимки этих зданий украшают фотоальбомы города – выходит, прижились. Значит, пинские, белорусские. А вообще, мне кажется, что белорусская архитектура находится в стадии становления, поиска самобытности. Сейчас она трудноопределима.

– *Чего вообще может стыдиться истый архитектор?*

– Творческого бездействия. Пустоты.

– *Отношение к плагиату и стереотипам?*

– У меня сложились в процессе работы два понятия: “живое” и “мертвое”. Плагиат и стереотипы – “мертвое”. Творческое преобразование – “живое”. Строить стереотипно – плодить пустоту. Вообще-то жизнь соткана из стереотипов – константы позволяют нам ориентироваться в пространстве. Но без доминант стереотипное пространство “мертвеет”, опустошается. Проблема архитектурной деятельности в том, что она постоянно норовит застыть, а жизнь непрестанно изменяется. То, что вчера было живым, сегодня превращается в стереотип, и завтра нужно что-то менять.

– *Зарубежные поездки, книги, журналы, Интернет... Встреча с каким архитектурным произведением ошеломила больше всего?*

– За границу мы начали ездить на майские праздники с 2005 года. Открытие Европы произвело сильное впечатление. Впечатлил, пожалуй, Филиппо Брунеллески – церковь Сан Лоренцо во Флоренции. Я изучал его работы по В.Н. Лазареву и, как мне казалось, хорошо разобрался в теории – вроде был готов к восприятию. Но когда вошел в интерьер – понял: то, что увидел, значительно больше того, что думалось. Ясность и чистота пропорций, возвышенность... Мой внутренний, гордый диалог о том, что я что-то понимаю, прервался. Возникла зона тишины. Ощущение умиротворения и благодати наполнило пространство. Оно было во всем: и в общей пропорции аркатур, и в тонких членениях архитрава центрального нефа, и в мягком свете, нисходящем сверху. Показалось, что за 15 минут, проведенных в церкви, я полностью восстановил силы, потраченные на движение по Флоренции. Вдруг понял, а точнее почувствовал, что есть истинная архитектура.

– *А что есть истинная архитектура?*

– Это пространство, где происходит преобразование человека. Если удастся путем применения различных пропорций, материалов добиться создания пространства, где человеку комфортно до степени преобразования, – это и есть искусство архитектуры. Добиться этого чрезвычайно сложно, ибо каждое место на земле индивидуально и постоянно изменяется (утро, день, вечер, ночь). И собрать все факторы места в единый узел – создать пространство, свойства которого сохраняли бы свою гармонизирующую целостность во времени, – цель архитектуры. Можно пытаться все просчитать, но опыт подсказывает: всегда есть “нечто”, что ускользает при всеобщей правильности модели. Это нечто – искусство. Та сила, которая все собирает и преобразует. И нет конкретного рецепта: как делать, чтобы получилось произведение искусства. Это нужно почувствовать, угадать в секунды откровений. В своей деятельности архитектор стремится преобразовать мир, сотворить “царство божье” на земле. В лучших своих произведениях архитектура создала “точки роста” – гармоничные произведения, которые излучают энергию совершенства. Эта гармония с Природой и Человеком рождает самодостаточность. Здесь не хочется ни убавить, ни прибавить.